

ГЕШТАЛЬТ-ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ УЛИЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

А.И. ПАВЛОВСКИЙ

В статье обсуждается применение гештальт-подхода как методологии и технологии психотерапевтической помощи в рамках опыта работы с детьми улиц в Москве. Описана практика консультирования в рамках аутрич-работы с анализом таких ее параметров, как особенности вступления в контакт, обеспечение безопасности контакта, временная перспектива в консультировании и др. Проанализированы ограничения технологий психотерапевтической помощи в практике уличного консультирования, но проиллюстрированы методологические возможности гештальт-анализа к организационному построению уличной социальной работы.

Ключевые слова: гештальт, аутрич, уличная социальная работа, письма, экстернализация, беспризорные дети.

Введение

Данная статья посвящена возможностям применения гештальт-подхода в уличной социальной работе (аутрич-работе) с беспризорниками.

В первый раз я вышел на улицу в качестве аутрич-работника около девяти лет назад. Целевой группой организации, в которой я работал, были потребители наркотиков. Я должен был ежедневно выходить в места скопления потребителей наркотиков, общаться с ними, консультировать по поводу проблем, связанных с употреблением наркотиков и возможности получить квалифицированную помощь. Очень быстро я понял, что аутрич-работа сильно отличается от традиционной организации работы социальных работников, психологов и других профессионалов. Как правило, аутрич-работники трудятся в довольно экстремальных условиях (погода, криминальное окружение, шум, нехватка времени). Кроме того, аутрич-работник приходит туда, куда его не звали. Но, тем не менее, часто аутрич-работник — это специалист, оказавшийся в нужном месте в нужное время, единственный,

кто может оказать помощь в экстренной ситуации. Эти особенности аутич-работы предъявляют особые требования к практическим навыкам профессионала.

Возможности применения гештальт-подхода в условиях аутич-работы заинтересовали меня практически сразу после первого знакомства с ним. Работа над этой статьей во многом является исследованием возможности применения принципов гештальт-подхода и традиционных инструментов, которыми пользуются гештальт-терапевты в условиях уличной работы с беспризорными детьми. Примеры случаев, приведенные в данной статье, были описаны в ходе моей работы в международной организации Samu Social Moskva (SSM). Данная организация осуществляет уличную работу с бездомной молодежью с 2003 года на территории г. Москвы.

Общая характеристика уличной социальной работы

Социальная работа — это то, что делают социальные работники. Такое определение (весьма распространенное среди социальных работников) может показаться смешным, однако оно очень хорошо отражает суть понятия. Социальная работа — это то, что другие — психологи, медсестры, доктора, милиция и т.д. — как правило, не делают. Социальные работники занимаются случаями, с которыми общество (с его политикой обеспечения жильем, трудоустройством, с его борьбой с бедностью) не справилось. Социальная работа предполагает задачи, возникающие там, где не срабатывают другие агентства: службы медицины и ухода, милиция.

Чаще всего в литературе можно встретить следующее определение социальной работы: «Профессиональная социальная работа — это деятельность специалиста, направленная на решение социальных проблем отдельных личностей, слоев и групп». Также социальная работа направлена на создание условий, которые благоприятствуют восстановлению или улучшению способностей людей к социальному функционированию на основании комплекса специальных знаний и практических навыков [Практика социальной работы..., 2006, с. 9].

Известен целый ряд методов социальной работы или подходов к ней. Некоторые из них порождены организационными структурами, в которых существует социальная работа, иные — социологической теорией, которая возникла параллельно с ежедневной практикой. Социальная работа может различаться по целевой группе (работа с инвалидами, людьми с трудностями в обучении, потребителями наркотиков, детьми улиц и т.д.) и по форме организации работы: работа

с конкретными случаями, работа с сообществами, аутрич-работа. Последней и посвящена наша статья.

В переводе с английского outreach — достижение вне. То есть вне офиса, вне больничного учреждения — непосредственно в месте «обитания» целевой группы. Ниже рассмотрены определения и понимание аутрич-работы различными авторами/исследователями, а также практиками социальной работы. Европейский центр по мониторингу наркотиков и наркозависимости (EMCDDA) в своем оценочном докладе предложил следующее определение аутрич-работы [Социальная помощь..., 2000, с. 3]:

«Как правило, под «аутрич» понимается деятельность, направленная на установление контакта с клиентами в привычных для них условиях — на улице, дома, в клубах или в других местах» (EMCDDA 1999). «Аутрич важен, так как он позволяет работать с теми целевыми аудиториями, которые не обращаются в обычные службы. Подобная работа часто апеллирует к ценностям развития и укрепления общества. Так, например, она помогает установить связи между работниками, клиентами, их друзьями и семьями. Как правило, не существует стандартизированной работы. Людьюми движет желание помочь данным группам приемлемым для них способом (EMCDDA 2001)».

Ричард Хартнолл дал следующее определение аутрич: «Это общественно ориентированная деятельность, направленная на установление контакта с теми целевыми аудиториями, с которыми не проводится эффективной работы ни существующими службами, ни посредством традиционных каналов информирования об охране здоровья» [Там же].

Таким образом, перед аутрич-работником стоит две группы задач. С одной стороны, — установление открытых и доверительных отношений с представителями целевых групп, оказание экстренной помощи представителям закрытых целевых групп, направление клиентов к необходимым для удовлетворения различных потребностей социальным и медицинским сервисам. С другой стороны, — представительство интересов закрытых социальных групп в обществе. Аутрич-работа является своеобразным «мостом» между закрытыми, маргинализированными группами и обществом.

Аутрич-работа может выполняться как врачами, психологами, специалистами по социальной работе, так и специально подготовленными представителями уязвимых групп.

Сегодня в нашей стране аутрич-работа проводится практически во всех регионах. Услугами аутрич охвачены различные закрытые группы: потребители наркотиков, работницы коммерческого секса, мужчины,

практикующие секс с мужчинами. Одной из самых сложных групп, среди которых проводится аутрич-работа, являются «дети улиц».

Аутрич-работа с детьми улиц

С учетом положений закона (ФЗ от 24. 06. 99 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») выделяют две категории детей и подростков, обитающих на улице.

Безнадзорные дети и подростки — это несовершеннолетние (до 18 лет), большую часть времени проводящие на улице в связи с отсутствием родительского внимания или иными обстоятельствами. Эти дети в основном ночуют дома и преимущественно обитают в районе проживания.

Беспризорные дети и подростки (беспризорники) — это несовершеннолетние, живущие и днем, и ночью на улице, утратившие связь с семьей или учреждением, в котором они находились. Как правило, такие дети прибыли из других регионов страны, т. е. они зарегистрированы не там, где обитают.

Безнадзорность может быть шагом к беспризорности. Если ситуация дома или в детском учреждении, из которого ушел ребенок, не нормализуется, если ребенок успеет адаптироваться к условиям постоянного пребывания на улице, то социальные связи с «домашней» средой могут окончательно разорваться, и тогда «родится» еще один беспризорник.

Опыт уличной работы международной ассоциации «Врачи без границ» (MSF), работающей с детьми улиц, позволяет сделать заключение о том, что в Москве в течение года может пребывать около двух тысяч беспризорных детей и подростков, а одновременно на улице в столице России может находиться от 250 до 500 «истинных» беспризорников [4 с. 9]. Число зависит от времени года, каникул, повышения и снижения активности милиции и некоторых других факторов.

Опыт общения с детьми социальных работников MSF на улице и анализ причин, приведших детей на улицу и удерживающих их там, позволяет сделать следующие выводы:

1. Две трети детей, выбравших улицу, убежали из дома, остальные — из детских домов или домов-интернатов. Большая часть детей из детских домов имеют одного или двух родителей, лишенных родительских прав или находящихся в местах заключения.

2. Большинство беспризорных детей, убежавших из дома, происходят из распавшихся или неполных семей, а также из семей, где

кто-либо из родителей не работает или находится в местах лишения свободы.

3. Большинство беспризорных выбирают жизнь на улице как альтернативу постоянному отсутствию внимания со стороны родителей, родственников, педагогов. На улице, в группе таких же, как он, подросток может найти тот эмоциональный комфорт, то убежище и признание, какого нет дома или в детском доме [Как построить мост, 2007, с. 11].

По мнению уличных социальных работников Киева и Одессы, на улице среди беспризорных детей почти в 10 раз меньше драк и ссор, чем в собственной семье [Социальная помощь..., 2000, с. 17].

Многие подростки вынуждены уйти на улицу после перенесенного психического, физического и даже сексуального насилия в семье и детском доме. По данным MSF, до 80% детей, убежавших из сиротских учреждений, сообщают о случаях жестокого обращения со стороны сотрудников или старших детей.

Очень часто уход на улицу спровоцирован алкоголизмом родителей, нищетой и неудовлетворительными жилищными условиями, когда в одной комнате ютятся несколько человек.

Многие беспризорники, которых встречают на улице социальные работники, хотя бы раз побывали в каком-либо приюте Москвы, а каждый четвертый находился там по два или более раза.

За последние два года среди беспризорников значительно возросла доля потребителей инъекционных наркотических препаратов. Развитие зависимости от психоактивных веществ еще глубже затягивает в «пучину» улицы.

Подавляющее большинство беспризорных не учатся. Отставание в школе становится дополнительным удерживающим на улице фактором [Как построить мост, 2007, с. 14].

Таким образом, попадая на улицу, дети постепенно теряют контакт с обществом на трех уровнях: рвутся связи с семьей (лишены любви, лишены защиты); нет доступа к образованию; нет доступа к медицине (лишены лечения, не имеют возможности профилактики заболеваний).

Общение с детьми на их территории позволяет уличным социальным работникам завоевать их доверие. Если взрослый хочет построить отношения с ребенком, именно он должен сделать первый шаг и приблизиться к ребенку. Такой подход является необходимым предварительным условием создания доверительных отношений, которые станут основой серьезной работы [Там же. С. 15].

Таким образом, существует явный пробел между социальными институтами и «улицей», и заполнить этот пробел способна систематическая уличная социальная работа.

Эффективность уличной социальной работы была доказана во многих странах мира. Самостоятельно беспризорные дети не могут или боятся налаживать контакт со «взрослым» обществом. Кроме того, они не всегда бывают информированы о возможностях получения медицинской и социальной помощи, которая часто остается для них недоступна. Проектов работы с беспризорниками немного, они иницируются и проводятся общественными организациями (НПО), иногда при поддержке государства.

Опыт применения гештальт-подхода в уличной социальной работе

Едва появившись на терапевтическом пейзаже, гештальт-подход сразу же пробуждает определенный интерес у социальных работников: воспитателей, сотрудников служб социальной помощи, директоров учреждений для трудных детей и подростков и т.д.

Серж и Анна Гингеры в книге «Гештальт-терапия контакта» [Гингер, Гингер, 1999, с. 232] говорят, что в большей степени их привлекает не новизна метода, а его особая адекватность их профессиональным потребностям.

В самом деле, это гибкий и поливалентный метод:

- который соответствует экспрессивным возможностям самых разных клиентов благодаря использованию простых и одновременно разнообразных языков: вербального, телесного, метафорического (игра, креативность, рисунок...), что позволяет применять его в работе с детьми, подростками или взрослыми, принадлежащими к самым разным культурным слоям;

- с которым можно работать в самых разных ситуациях и условиях: в режиме поддержки или индивидуальной терапии (режиме консультирования или ходе терапии), малой группе (семейная терапия), группе (учреждениях или центрах социальных служб), обычном социальном окружении (так называемой «открытой» среде или рамках повседневной профессиональной деятельности);

- который одновременно учитывает интрапсихическое функционирование личности и ее интерпсихическое функционирование в окружающей ее среде, и даже функционирование самой этой среды (социо-гештальт).

Более того, гештальт, по-видимому, соответствует не только объёму интереса социального работника (его клиенту), но и чрезвычайно подходит самому субъекту (социальному работнику).

По сравнению с психоанализом, еще достаточно распространенным среди работников этой сферы на западе, гештальт-подход снабжает их теорией и методологией, которые они могут напрямую использовать в повседневной работе. В частности, он поощряет развитие одновременно активного и недирективного поведения в отношении клиента: его внимательное сопровождение в проявляемых им потребностях и поиске им его собственных решений, в необходимом прояснении незавершенных или не до конца исследованных ситуаций.

Социальный работник редко может оставаться благожелательно нейтральным или находиться просто в состоянии позитивной эмпатии. Он часто оказывается вовлеченным, ему приходится выражать свое мнение, даже если он бдительно следит за тем, чтобы не навязывать его собеседнику. Как мы уже говорили, гештальт называет подобное отношение контролируемым участием и поощряет его как помогающее стимулировать выработку собственной точки зрения самим клиентом-партнером.

Социальный работник концентрируется на доступном для наблюдения настоящем, а не на прошлом своего клиента; он ведет свою работу, чаще всего исходя из существующих отношений и конкретной повседневной социальной реальности, а не из фантазий. Как правило, он скорее стремится помочь клиенту обнаружить и исследовать свои скрытые ресурсы, свой потенциал неиспользованных богатств, чем анализировать причины своих трудностей, проблем или неудач. Его больше заботят ростки надежды на будущее, чем тягостные следы прошлого. Такое отношение — одна из основных составляющих гештальтской философии и практики.

Гештальт-метод также побуждает социального работника к терпеливому и уважительному отношению к защитной системе клиента. Проявляя интерес к симптомам страдания, идущего изнутри личности или из общества, социальный работник вместе с тем постоянно внимательно выделяет возможные вторичные выгоды поведения клиента.

В социальных службах обычно рассчитывают на результаты работы средней продолжительности (от нескольких месяцев до нескольких лет), никто не надеется на мгновенное чудесное излечение. В то же время, работники этих служб стараются не вязнуть в отношениях, закрепляющих ситуацию поддержки и даже взаимной зависимости.

Гештальт может следующим образом помочь социальному работнику:

- лично ему самому: на социальном работнике бесспорно «отзываются» те проблемы, с которыми он оказывается рядом (страдания, болезни, психические расстройства, социальные трудности, безработица, смерть...), будучи в пространстве конфликтов и противоречий, в центре индивидуальных и коллективных проблем;
- в его работе, ибо основные принципы гештальта соответствуют рамкам его деятельности;
- его клиентам, так как предлагаемые достаточно гибкие техники соответствуют потребностям и возможностям клиентов, находящихся в самых разных ситуациях.

Технические приемы гештальт-подхода в аутич-работе с беспризорниками

Гештальт-подход не является технически-ориентированным. Приоритетным является построение терапевтических отношений, которые только и позволяют произойти «экзистенциальной встрече двух людей». Тем не менее, чтобы ориентироваться в массе феноменологического материала и иметь возможность структурировать процесс, терапевту требуются ориентиры — некие стратегии, которые могут облегчить ему выбор, в каком направлении двигаться дальше [Лебедева, Иванова, с. 245-246]. Сердцевиной гештальт-подхода является экспериментирование. Оно создает своеобразие гештальтистского способа работы. В ходе терапии субъекту предлагается не ограничиваться рассказом, а превратить свои слова в действия, развертывающиеся в «здесь-и-теперь» ситуации. Это экспериментирование является своего рода структурой, навязанной терапевтом. Оно имеет смысл, только если оно полностью соотносится с опытом, который воспроизводит пациент. Экспериментирование манипулирует различными параметрами, чтобы благодаря расширению поля найти в контакте новизну, восстановленные возможности идентификации и отвержения, творческое приспособление. Некоторые терапевты охотно обращаются, особенно в группе, к арсеналу заранее подготовленных упражнений, которые они предлагают независимо от эволюции каждого пациента. Само собой разумеется, клиент всегда сможет открыть в этих упражнениях что-то о себе самом при столкновении с этой безопасной ситуацией, но это мало что имеет общего с терапевтическим экспериментированием, которое прямо связано с острыми ситуациями и незавершенными

ситуациями каждого пациента. Эти эксперименты могут быть разного порядка, например [Робин, 1998]:

а) Эксперимент может быть сфокусирован на росте осознаваемого, на «awareness», когда терапевт предлагает, например, осознать свое дыхание или ту или иную часть тела.

б) Эксперимент может позволить исследовать тему, изложенную клиентом в скрытой форме, например, когда терапевт предлагает привести в действие метафору, которую он только что употребил («Я чувствую, что грудь моя в тисках!», «Он возбуждает во мне желание обращаться с ним как с собакой»). Это исследование может пройти через усиление и акцентирование употребленных слов и жестов («Не можете ли Вы попытаться повторить это, усиливая жест, который Вы едва уловимо делаете?») В экспериментировании могут быть обнаружены модельные условия, позволяющие получить информацию «о том, что произойдет» в определенных ситуациях, которые трудно или невозможно смоделировать в действии. Тогда привлекаются некоторые формы проекции, чтобы исследовать фантазии, катастрофические ожидания, незавершенные ситуации или «застывшие» ситуации, разрешение которых кажется невозможным. Экспериментирование также предоставляет возможности для исследования разных типов границ собственного «Я» и контакта: пределы проявления себя, границы самовыражения, привычек, пороги ощущений и телесных движений, ценностей и т.д. [Там же]. Клаудио Наранхо [Лебедева, Иванова, 2004, с. 246] разделил технические приемы на «техники подавления» (suppressive) и «техники проявления» (expressive). Подавлению подвергаются сопротивления, а проявлению — спонтанные креативные аспекты поведения. Н. Лебедева и Е. Иванова предлагают систематизировать технические приемы гештальт-подхода следующим способом.

I. Континуум осознания.

II. Эксперименты, направленные на актуализацию: актуализацию текущей ситуации, реэнектинг ситуации «сейчас — там» (ситуация прошлого, «там и тогда»), эксплицитное воспроизведение, актуализация и расширение границ «внутренней ситуации» (в том числе «Я» границы) «здесь и с самим собой».

III. «Челноки»: между модальностями, между «различными пластами бытия», между различными участками границы внутри одной модальности [Там же. С. 248].

Все эти технические приемы применимы с учетом контекста личной работы, в работе с беспризорниками можно использовать,

например, амплификацию, работу с полярностями, работу с телесностью, челноки и т.д.

Особенности организации аутрич-работы с беспризорниками влияют на применение гештальта и обуславливают его отличия от психотерапии.

Во-первых, с подопечными контактируют все члены команды. На беспризорников заводятся индивидуальные досье, которые доступны всем членам команды. Практически все специалисты вносят в досье дополнительные сведения. На брифингах регулярно обсуждается дальнейшая стратегия работы с каждым подопечным. Таким образом, можно сказать, что интервенции совершает вся команда. Нужно учитывать, что подростки крайне редко живут одни на улице. В подавляющем большинстве случаев они живут в сообществах, в группах по 6-10 человек. И чаще всего в контакт с социальными работниками они вступают группой. Поэтому получается, что «терапевтом» является команда аутрич в целом, а «клиентом» — сообщество беспризорников. Для анализа взаимоотношений в сообществе в арсенале гештальта есть инструмент — модель интерактивного цикла контакта.

Одним из самых сложных моментов в аутрич-работе для меня явилось то, что в отличие от психотерапии инициатором отношений выступают профессионалы. Аутрич-работники сами приходят туда, где есть клиенты. Подростки могут быть заняты своими делами или просто могут не быть расположены к общению. При таких обстоятельствах для уличных социальных работников есть риск выглядеть навязчиво в глазах клиентов. Терапевтические интервенции могут быть неуместны в данной ситуации, а часто и опасны для клиента.

Еще одной особенностью является то, что аутрич-работа проводится в естественной «среде обитания» подростков: на вокзалах, рынках, в переходах метро и т.д. Там часто бывает многолюдно, шумно, небезопасно. Это накладывает серьезные ограничения на проведение гештальт-экспериментов. Разговор с ребенком может неожиданно прерваться из-за вмешательства друзей, милиции или прохожих. Эти факты, конечно, накладывают отпечаток на возможности применения гештальта в условиях улицы, но не делают это применение невозможным. В литературе встречаются примеры описания работы гештальтистов вне стен терапевтических кабинетов. У Ирвина и Мириам Польстеров можно встретить описание гештальт-групп в кафе, на которые собирались от 50 до 150 человек [Польстер, 1997]. Наталья Лебедева и Елена Иванова в своей книге также приводят несколько

примеров применения гештальта в естественных сообществах [Лебедева, Иванова, с. 542-543].

Практика применения гештальт-подхода в аутрич-работе с беспризорниками

Как говорилось выше, одной из основных задач аутрич-работы с детьми улиц является восстановление контакта между детьми и медицинскими, социальными, образовательными службами. Живя на улице, подростки оказываются изолированными от тех организаций, которые могли бы им помочь. Аутрич-команда становится своеобразным «мостом» между беспризорниками и обществом, обеспечивая взаимодействие между ними. Если использовать метафору гештальт-подхода, то можно сказать, что аутрич-команда является контакт-границей между сообществом беспризорников и медико-социальными службами. Через аутрич-работников беспризорники и медико-социальные службы начинают более эффективно взаимодействовать друг с другом. Но для того чтобы обеспечивать это взаимодействие, аутрич-команда должна пользоваться доверием как у одной, так и у другой стороны. Наиболее сложным является построение доверительных отношений с беспризорниками. У многих из них был крайне негативный опыт общения с «миром взрослых». В сообществе детей улиц есть много мифов о том, что существуют организации, которые отлавливают детей, а потом продают на органы, в рабство и т.д. Некоторые дети боятся возвращения туда, откуда они сбежали. Уличные подростки часто совершают преступления и боятся преследований со стороны милиции. Все это необходимо учитывать при установлении контакта с беспризорниками в условиях улицы. Гештальт может быть очень полезен при построении отношений с беспризорниками. Терапевтическим отношениям в парадигме гештальта отводится особая роль, ведь в гештальт-подходе отношения между терапевтом и клиентом обладают мощнейшим терапевтическим потенциалом [Балюбаш, 2004, с. 339-362]. В следующем примере я попытаюсь проиллюстрировать, как принципы гештальт-подхода помогают выстроить отношения с беспризорниками во время аутрич-работы.

Этот случай произошел ранней весной в районе метро «Тушино». По информации, полученной от местных жителей, в подземном переходе около метро жили, попрошайничали несколько детей. Наша команда состояла из трех человек. Помимо меня, там были еще врач и водитель. Спустившись в переход, мы практически сразу обнаружили сидящего возле входа в метро мальчика, на вид лет пятнадцати. Он

был очень грязный, одет в огромную старую куртку, всю в заплатках. Мальчик сидел между двумя большими спящими собаками с протянутой рукой, в которой было несколько мелких монет. Он смотрел на землю, не обращая внимания на проходящих мимо людей. Мы подошли к нему, представились, в двух словах рассказали о своей деятельности и предложили подойти к нашей машине покушать. В ответ он пробормотал что-то невнятное. Как только мы заговорили с сидящим мальчиком, появился второй подросток. И сразу подошел к нам. Он попросил чего-нибудь покушать или немного мелочи. Когда мы представились и предложили дойти до нашей машины, он начал пятиться и бормотать под нос угрозы. Меня удивила такая реакция, я предположил, что он, возможно, нас испугался, и решил проверить свои предположения:

Социальный работник: Ты испугался?

Парень: Да! Вот такие вот приезжают, а потом дети пропадают...

Его страхи и опасения в данной ситуации были абсолютно обоснованными, подросток никогда до этого нас не видел. Жизнь его научила относиться с подозрением к посторонним людям. В данной ситуации важно было показать, что я понимаю и принимаю его реакции.

С.Р.: Понятно, я бы на твоём месте тоже отнесся с подозрением к нам. Но мы не увозим никуда детей, мы просто помогаем подросткам, попавшим в тяжёлую жизненную ситуацию.

П.: Не знаю, не знаю, дядь... Но я никуда с вами не пойду.

Я был серьёзно обеспокоен. Как показывает опыт, если первый контакт неудачный, потом гораздо сложнее выстроить взаимоотношения с подростками. Я решил продолжать. Для того чтобы снизить тревогу, решил попробовать организовать ситуацию таким образом, чтобы у подростков была возможность контролировать происходящее. Я надеялся на то, что они в таком случае будут чувствовать себя более безопасно и согласятся дойти до машины.

С.Р.: Слушай, ты ведь просил покушать?

П.: Да.

С.Р.: Но еда у нас в машине.

П.: Я не пойду!

С.Р.: Давай так. Мы пойдем впереди, а вы сзади, на таком расстоянии, на каком посчитаете нужным. Как только почувствуете что-то неладное, сможете убежать. В машину заходить необязательно, можете покушать рядом. Хорошо?

П.: (немного подумав) Хорошо... Но, дядь, если что, пеняй на себя! (голос стал тверже, появились командные нотки).

Мы пошли вперед, ребята за нами. Подростки взяли инициативу в свои руки. Время от времени они давали команды, на каком расстоянии нам идти. Ребята опасались, но шли. Собаки тоже шли рядом, охраняя ребят. Когда мы подошли к машине, ребята остались на почтительном расстоянии. Водитель начал готовить растворимое пюре. И тут ребята испугались — стали подозревать, что мы их можем отравить. Я взял новую коробку пюре, дал им ознакомиться, прочитать состав и инструкцию приготовления. После этого они согласились покушать. Пока они кушали, я решил познакомиться и провести примерную оценку условий, в которых они живут. Вот что я узнал: одного из них звали Юра, второго — Андрей Косой. Живут вместе на чердаке, недалеко от метро, родом из дальнего Подмосковья. Исследуя ситуацию, я старался задавать открытые вопросы.

С.Р.: А как вам сейчас живется на чердаке?

Андрей: Нормально живется, дядь. Там тепло, у нас одеяло есть.

С.Р.: А как складываются отношения с жильцами дома?

А.: А они не знают, мы осторожно, не шумим. Вот на платформе бывает выгоняют и в Макдональдсе. Но редко, обычно жалеют, особенно его (показывает на друга Юру). Бывает, покормят, да так покормят, с вашим не сравнить.

С.Р.: А что сейчас для вас является главной проблемой?

(Андрей помолчал, посмотрел на меня, прищурившись).

А.: А ты пробиваешь, дядь... Пробиваешь! Чего-то вы мутные... (Андрей начал ерзать и оглядываться).

Я понял, что рано задал этот вопрос. Ребятам приходится часто сталкиваться с представителями правоохранительных органов. И вопросы об их образе жизни, похоже, навлекли на нас подозрения. Я решил честно сказать ребятам о мотивах «задавания» этих вопросов и дать им понять, что они могут говорить только то, что считают возможным.

С.Р.: Я задаю все эти вопросы для того, чтобы понять, нужна ли вам какая-то помощь, и чем мы сможем вам помочь. И ты, и Юра имеете полное право не отвечать на вопросы, на которые вам не захочется отвечать.

(Андрей заметно успокоился. Юра в это время разговаривал с собаками. Меня очень заинтересовало, какую роль в жизни ребят играют эти собаки.)

С.Р.: Красивые у вас собаки.

(Юра заметно оживился, заулыбался. И представил мне своих четвероногих друзей. Пса звали Лохматик, собаку — Альма. Юра начал

показывать, что они умеют. Оказалось, что собаки выполняют много команд.)

С.Р.: А кто их дрессировал?

Юра: Мы. Они очень послушные и верные. Лучшие друзья. Человек предать может, даже если лучший друг, а собаки никогда. Столько всего мы вместе пережили.

Андрей: Да, столько раз они нас выручали. Если рассказывать, то и дня не хватит.

С.Р.: А как они между собой ладят?

Юра: Они, как брат с сестрой, всегда вместе. Никогда друг друга не бросают.

(Мне показалось, что это удачная возможность сейчас поговорить о взаимоотношениях Юры и Андрея.)

С.Р.: А это похоже на вас?

Андрей: Да, я за Юру все отдать готов, и он за меня. Если бы не вместе, то не выжили бы, тут знаете какие порядки, опасности... Только вместе можно держаться.

Водитель предложил ребятам кофе. И Юра с Андреем залезли в машину. Это было хорошим поводом обсудить формальности взаимоотношений нашей организации с клиентами. Я рассказал о тех услугах, которые они могут у нас получить, об обязательствах, которые мы на себя берем, о том, что информацию о клиентах мы никому не передаем. Мы обсудили также правила поведения в машине: сюда нельзя приходить в состоянии токсического и наркотического опьянения, здесь нужно избегать ненормативной лексики и воздерживаться от выяснения отношений. Ребята согласились выполнять эти условия.

Мы еще немного пообщались. Обсудили футбол. Оказалось, что ребята следят за событиями в российском чемпионате по футболу, знают турнирную ситуацию, есть любимые игроки. Ребята обратились к врачу за медицинской консультацией.

Мы рассказали о том, в какое время мы будем приезжать и договорились о следующей встрече.

Таким образом, на первом этапе построения взаимоотношений с беспризорниками огромное значение имеют поддерживающие интервенции социального работника.

Поддержка (поддерживающие интервенции) — это действия терапевта (в данном случае социального работника), увеличивающие вовлеченность клиента в терапевтический процесс, способствующие осознанию и удовлетворению потребностей клиента, облегчение

интеграции опыта, полученного в терапии [Лебедева, Иванова, 2004, с. 366-367].

Условно терапевтическую поддержку можно разделить на две большие группы: специфическая и неспецифическая. Последняя используется на любом этапе терапевтического процесса, но, в то же время, как и специфическая, «привязана» к определенным стадиям терапевтического процесса.

Неспецифическую поддержку можно разделить на экологическую поддержку и позитивное подкрепление.

1. Экологическая поддержка [М. Польстер; цит. по: Лебедева, Иванова, 2004, с. 367-368]. Данный компонент поддержки особенно важен в начале терапии: терапевт заботится о том, чтобы клиент мог почувствовать себя достаточно комфортно и безопасно. В приведенном выше примере это проявлялось в том, что у клиентов была возможность беспрепятственно прервать общение. Социальный работник предельно откровенно отвечал на вопросы о целях и мотивах контакта. Ребятам была предоставлена вся информация, которую они просили. Возможность покушать, поговорить в теплой машине также можно отнести к этому виду поддержки.

2. Позитивное подкрепление. Данный компонент является выражением характерных для гештальт-подхода отношений симпатии и уважения к клиенту. В данном случае в качестве позитивного подкрепления выступил интерес социального работника к различным сторонам жизни клиентов (ценность дружбы, интересы и увлечения) и признание ценности и правомерности опасений, которые возникали у ребят во время первичного контакта. Позитивным подкреплением является также и предложенная помощь, медицинский осмотр. Интерес сотрудников аутич-команды к продолжению общения.

Специфическая поддержка непосредственно направлена на облегчение осознания и трансформации сопротивлений [Там же. С. 368]. При первичном контакте с беспризорниками особую роль играет поддержка вниманием, проявлением «чувств в резонанс», эмпатия. В данном примере она выражалась в виде открытых вопросов и сигналов, подтверждающих, что человек услышан (кивки, поддакивания).

Как можно видеть из примера, во время первичного контакта важно обсудить «контракт» с клиентами: какую помощь они могут получить в проекте, и что они должны сделать, чтобы эту помощь получить. Одним из самых важных моментов является обсуждение гарантий конфиденциальности и других обязательств, которые берут на себя сотрудники организации.

Практика применения терапевтических писем в уличной социальной работе

Работая уличным социальным работником, я столкнулся со сложностями в построении длительных терапевтических отношений с клиентами. Встретившись с клиентом, я не мог рассчитывать на то, что наша встреча произойдет через неделю в то же время. С некоторыми из них она могла произойти через несколько недель, с другими никогда. Как следствие, я начал искать пути продлить общение, преодолевая ограничения уличной работы. Одним из таких путей стали письма. Написание писем — это практика, к которой меня привел интерес к нарративному подходу [White & Epston, 1990; Freedman & Combs, 1996; Zimmerman & Dickerson, 1996]. Нарративные практики часто используют письма как инструмент преодоления временных границ терапевтических сессий. Джоел Глен Уиксон в своей статье «Письма на улице. Нарративный подход к социальной работе» [Wixson, 2000] описал свой опыт общения письмами в уличной социальной работе. Эта статья вдохновила меня на написание клиентам писем в гештальт-ключе. В начале письма я обычно описывал те фразы, идеи, впечатления, феномены, которые мне больше запомнились после встречи. Возвращая очевидное, я старался использовать слова и выражения, которые использовал клиент. Если я описывал феномены, то старался избегать интерпретаций. Цитируя слова, которые клиенты говорили мне, я пытался быть в контакте с их опытом по этой теме, не перебивать и не перефразировать на свой лад. Далее старался эмоционально откликнуться на содержание встречи. Часто я использовал селективное самораскрытие, описывая, с какими темами из собственной жизни я соприкоснулся в ходе разговора. В конце письма я задавал вопросы, которые не успел задать во время сессии, или вопросы, которые у меня возникли в ходе написания письма. Письма я доставлял клиентам разными способами: лично в руки, через сотрудников SSM или друзей клиентов. Содержание писем зачастую становилось темой бесед последующих встреч. Я расспрашивал клиентов о том, как письма повлияли на них.

Я убедился, что письма могут помочь уменьшить девальвацию и присвоить опыт, полученный в сессии. Также письма могут помочь расширить уровень осознания. Я заметил, что письма положительно сказываются на развитии доверия между мной и клиентами. Постепенно письма приобретают все большую ценность для подростков. Многие их хранят месяцами, перечитывают в сложные для себя времена и очень дорожат ими.

В следующем примере я попытаюсь проиллюстрировать опыт применения писем в практике социальной работы. Этот случай произошел в марте 2007 года. Это короткий опыт моей работы с девушкой Юлей.

Впервые я увидел Юлю у нас в машине, когда мы стояли у Павелецкого вокзала. Она обратилась за медицинской помощью к врачу SSM. Юля довольно долго разговаривала с врачом в присутствии своих друзей и меня. Врач расспрашивала ее о том, как она попала на вокзал, откуда она, есть ли у нее близкие. Юля говорила очень мало. Стало ясно, что в Москве она примерно полгода. Приехала из Брянской области. Работала, но на работе ее обманули, потеряла паспорт, живет на вокзале. Пока Юля была в Москве, у нее умерла мать. В Брянской области есть брат. Но она с ним в ссоре.

Когда речь заходила об эмоционально-насыщенных событиях, Юля замолкала, практически переставала двигаться, лицо напрягалось, глаза наполнялись слезами. Я заподозрил в этом ретрофлексию. Но как только кто-то начинал говорить на другую тему, она сразу же «размораживалась», оживала, начинала улыбаться. Меня чрезвычайно заинтересовал этот феномен, но пообщаться в тот момент с Юлей я не смог. И я решил написать ей письмо, в котором описал увиденное, использовал селективное самораскрытие, написав о том, что из ее рассказов во мне отозвалось наиболее сильно. И задал ряд вопросов.

Вот текст письма:

Привет, Юля!

Пишет тебе сотрудник организации SSM Арсений (в очках, кепке и с длинными волосами). Мы виделись с тобой на Павелецком вокзале (ты заходила к нам в машину). Нам практически не удалось пообщаться. Но наша встреча произвела на меня сильное впечатление и оставила много вопросов. И я бы хотел поделиться этим с тобой.

Во время разговоров в машине, меня поразила твоя способность сдерживаться! Когда речь заходила о смерти матери, о ссоре с братом, о твоей младшей сестре. Ты замолкала, лицо немножко покраснело, глаза влажнели. В связи с этим, у меня возникла фантазия, что ты очень сильно переживаешь. Но внешне ты никак этого не проявляла. А через минуту уже могла смеяться над шуткой Манифы или Саши. Я предположил, что ты очень хорошо умеешь себя сдерживать. Это умение меня очень заинтересовало. Ты знаешь, несколько лет назад у меня тоже внезапно умерла мама. Я помню: горе, отчаяние захлестнули меня в тот момент. Я не знал, как жить дальше, что делать, куда идти. Я думаю, что в тот момент жизни мне бы очень пригодилось твое умение сдерживаться. Я бы

смог поддержать своих близких, помочь им справиться с навалившимися трудностями. Хочется задать тебе ряд вопросов. Если хочешь, можешь на них ответить.

А как ты научилась этому умению? Помнишь, когда оно появилось в твоей жизни? С чем было связано его появление?

Что тебе дает твое умение сдерживаться, чем помогает жить? Что ты получаешь, когда сдерживаешь себя? Чем такое умение может быть полезно?

Чем ты рискуешь, когда сдерживаешь себя? Что теряешь? Какие ограничения это умение вносит с твою жизнь?

Как это умение может сказать о тебе другим людям, о том, что для тебя ценно в жизни?

Чем это умение может пригодиться тебе в будущей жизни?

Мы можем обсудить эти вопросы при встрече, если будет возможность. Надеюсь, что наша встреча состоится. Если нет, то ты можешь написать мне письмо по следующему адресу:.....

Удачи тебе!

Арсений

Я долго не мог найти Юлю, поэтому передал письмо с ее подружкой. Я волновался, получит ли Юля письмо, как на него отреагирует. Но вскоре во время нашего дежурства Юля сама подошла к машине. Она была с ребятами. Нам удалось поговорить примерно пять минут. Ребята куда-то спешили и постоянно поторапливали Юлю. Но она хотела отреагировать на письмо. Она заметно волновалась. Рассказала о том, что научила ее сдерживаться мама. Это произошло примерно лет в 10, когда Юля стала жертвой насилия — так что для нее это не сдерживание, а мобилизация. Она также поделилась, что эта способность помогает ей выжить, принимать решения и двигаться дальше, даже если случаются непоправимые и ужасные события в жизни. Она не успела рассказать всего, чего хотела — ее друзья куда-то очень спешили, и мы договорились, что все обсудим при следующей встрече. Встреча эта пока не состоялась. Юлю я больше на вокзале не видел.

Работа с малыми группами во время уличной социальной работы

Редко можно встретить ребенка, живущего изолированно от общества других беспризорников. В одиночку выжить практически невозможно, поэтому дети в основном живут хорошо сплоченными группами. В гештальте основным инструментом работы с семьями и другими микросообществами является интерактивный цикл контакта,

предложенный С. Нэвис и Дж. Зинкером, и в дальнейшем разрабатываемый сотрудниками Кливлендского гештальт-института [Зинкер, 2000, гл. 4].

Чтобы показать течение внутри отдельного соединения опыта, цикл искусственно поделен на пять фаз. Фазы организованы в последовательности, которая образует как логический, так и интуитивный смысл. Выделяют следующие фазы интерактивного цикла контакта: осознание, энергия/действие, контакт, разрешение/завершение, выход, «новое» осознание.

Наблюдение за взаимодействием между членами системы дает терапевту ясное представление о ней. Кроме того, наблюдение выявляет те способности системы, которые позволяют ей хорошо функционировать. Умение использовать способности, необходимые при прохождении через каждую фазу данного процесса, могут принести удовлетворение. Завершенный цикл, при котором хорошо проговорена каждая фаза, создает ощущение полноценного существования. При незавершенном цикле возникает ощущение неудовлетворенности и “тяжести”. Наблюдение за циклическим функционированием выявляет сопротивление системы, прерывающее плавное разрешение, а это, в свою очередь, связано с нарушением функционирования. Когда терапевт выявляет сопротивление или торможение и помогает его преодолеть, процесс восстанавливается [Там же].

Следующие примеры проиллюстрируют возможности применения этой теоретической модели в практике личной социальной работы.

1. Первый случай произошел около одной из железнодорожных платформ г. Москвы. В этом месте наша организация работала с группой бездомных подростков, употребляющих буторфанол. В одну из встреч с ребятами я заметил, что отсутствует одна из наших постоянных клиенток. Я спросил, куда она пропала, у ее близкого друга Романа. Между нами состоялся следующий диалог:

Социальный работник (С.Р.): А куда подевалась Жанна? Ее что-то давно не видно...

Роман (Р.): Да тут такая история... Она заболела сильно... Лежит на чердаке уже неделю, не встает. Похоже, у нее туберкулез открылся.

С.Р.: А ее осматривал врач? Она обращалась за помощью?

Р.: Да не, она вообще не встает, лежит, встать не может.

С.Р.: Слушай, но вы ведь обычно заботитесь друг о друге.

Р.: Ну да, обычно заботимся, стараемся помогать, если нуждается кто-то из своих.

С.Р.: Вызвали бы ей «Скорую помощь».

Р.: Да ты знаешь... не буду же я насильно свою помощь предлагать. А ей ведь ничего не надо, уже давно. Она вообще к походу на тот свет готовится!

Тут я заподозрил проекцию и решил проверить свою гипотезу.

С.Р.: Ты у нее об этом спрашивал?

Р.: Нет, но я таких, как она, много видел. Она уже не жилец....

С.Р.: Это очень серьезный прогноз. На основании чего ты делаешь такие выводы? На какие признаки ты опираешься?

Р.: Не, ну она лежит, почти не разговаривает, не двигается, ей уже ничего не надо...

С.Р.: А ты с ней обсуждал свои предположения? Спрашивал, как она себя чувствует? Чего хочет?

Р.: Нет! Но мне и правда казалось, что я понимаю, что происходит... Ну да, может я и не прав. Давайте сейчас дойдем и у нее узнаем, чего она хочет. Тут недалеко.

Я позвал врача, так как было высказано предположение, что у Жанны открытый туберкулез. Было решено, что на чердак пойдет доктор в маске и будет разговаривать с Жанной. Позже врач рассказал, что Жанна расплакалась, когда увидела, что Роман привел врача. Она уже почти потеряла надежду на то, что ей помогут. Она сразу согласилась на госпитализацию. Мы вызвали «Скорую помощь», и Жанна была госпитализирована в одну из больниц Москвы.

Таким образом, в данном примере интерактивный цикл контакта был сорван на фазе осознания. Механизм срыва — проекция. Действия консультанта, направленные на осознание механизмов срыва, привели к действию, которое, возможно, спасло жизнь девушке.

2. В работе с группами ребят в соответствующей ситуации я часто прибегал к технике экстернализации проблемы. Экстернализация — это процесс размещения проблемы вовне человека. Данная техника хорошо известна гештальт-терапевтам. Часто в ходе эксперимента гештальт-терапевты просят своих клиентов разместить проблему, черту характера вне себя, оживить проблему, дать ей голос — возможность высказаться. Для экстернализации внутренних переживаний, прояснения отношений, чувств, способов поведения клиента чаще всего используется техника пустого стула [Балюбаш, 2004, с. 251]. Терапевт может попросить клиента повзаимодействовать с проблемой так, как если бы она была живой. При этом внимание уделяется актуальному эмоциональному опыту, возникающему «здесь и сейчас». Часто используются «челноки» в другие области жизни. Эта техника эффективна

при работе с разными сопротивлениями, она может использоваться для раскрытия ретрофлексии, присвоения проекций.

Несколько другой смысл в эту технику привносят нарративные практики [Кутузова, 2006]. Цель практики экстернализации в нарративном подходе состоит в том, чтобы дать людям возможность осознать, что они и проблема — не одно и то же. Это достигается разными средствами. Один вариант — переформулировать прилагательные, которыми человек описывает себя, в существительные. Например, на фразу «Я депрессивный человек» мы можем ответить «Как давно депрессия начала влиять на вашу жизнь?» или «Что депрессия говорит вам о том, что вы за человек?». Другой способ экстернализовать проблему — задавать вопросы о ней таким образом, как если бы она была живым существом с определенными намерениями, уловками, стратегиями поведения, привычками и, что немаловажно, слабостями. Такой подход позволяет создать пространство, дистанцию между человеком и проблемой, и в этом пространстве можно исследовать, создавать и менять отношения человека с проблемой, — появляется выбор и возможности для маневра.

Я прошу ребят начать описывать проблему, как если бы она была живым существом: сначала особенности характера, затем прошу представить внешность. Когда есть возможность, я прошу нарисовать это существо или создать из подручных материалов: бумаги, пластилина, клея (того, что есть под рукой). Часто дети придумывают имя этому существу, например, «Падла» (см. пример). В процессе я внимательно слежу за феноменологией, что происходит с участниками процесса. После того, как образ создан, можно обсудить, кто или что поддерживает его существование, что мешает ему жить. Можно также обсудить историю появления существа в сообществе, и то, как его появление повлияло на группу. Важно раскрыть функции, которые оно выполняет в сообществе. Важно выяснить, что подростки хотят сделать с проблемой, и хотят ли они что-то делать. Экстернализация помогает подросткам взять ответственность за возникновение проблемы и дает им возможность сделать осознанный выбор ее решения. Редко когда удается выполнить всю эту работу за одну сессию — обычно необходимы три-четыре встречи. В промежутках между встречами для поддержания контакта я использую письма. Ниже хочу привести пример подобной работы.

Этот пример из работы с детьми с Курского вокзала. На этом вокзале живет очень сплоченная группа подростков, употребляющих буторфанол (опиоидный анальгетик). Наша организация уже довольно

давно контактировала с ними. Между подростками и сотрудниками Самюсосьяль выстроились доверительные отношения. Это позволило нам довольно продуктивно работать как с отдельными подростками, так и с сообществом в целом.

В один из вечеров в машине ребята начали разговаривать о том, как употребление буторфанола сказывается на их жизни. В беседе участвовали три парня: Валентин 17 лет, Володя 15 лет и Макс 19 лет. Мне показалось, что это неплохой момент использовать экстернализацию.

Социальный работник (С.Р.): Ребят, а если бы буторфанол был живым, каким бы он был по характеру?

Когда я начинал пробовать использовать экстернализацию, я начинал с вопроса о внешнем виде. Но, как показала практика, сразу представить, как выглядело бы что-то неодушевленное, подросткам гораздо сложнее, чем просто начинать описывать черты характера.

Макс (М.): Это как? Он ведь неживой! (остальные ребята тоже очень удивились вопросу)

С.Р.: Я понимаю, что вопрос может звучать немного странно, но попробуйте просто пофантазировать, какой у «Бутора» был бы характер, если бы он был живой.

Клиенты часто удивляются, когда я прошу их «оживить» проблему. Необходимо поддержать их активность в начале.

Валентин (Вал.): Ну он был бы наглый, дерзкий!

С.Р.: Хорошо, а еще каким бы был? Макс? Володя?

М.: Ну такой..... Холодный, безразличный.....

Володя (В.): Ну не знаю, никакой бы он не был. Просто бесполезный... Нет, вообще-то, переменчивый. Очень. Иногда раздражительный — иногда добрый.

С.Р.: А как эти черты проявляются во взаимодействии с людьми? Как он мог бы относиться к людям?

В.: Он нами бы колосся! Как мы им! Он живет за счет других. Как это называется...

М.: Все зависит от дозы. Если он в маленькой дозе, то помогает, если в большой, то убивает.

С.Р.: Что с тобой сейчас происходит, Макс?

М.: Очень грустно. Вспомнил. Сколько ребят умерло. Просто так. Ему безразлично, кого убивать. Просто убивает и все.

Вал.: Он нас ненавидит.

В.: Он паразит! Во. Вспомнил, как называется! Живет за счет нас. И растет. И силу набирает.

Ребята начали говорить о препарате, как о реально существующем живом существе. Я продолжаю насыщать образ.

С.Р.: А как бы он мог выглядеть?

Вал.: Не знаю, вот вы видите нас. Вот и он такой же. Выглядит так же как мы, втыкающий.

М.: Не, для меня как зверь выглядит. Безжалостный.

Вал.: Может выглядеть и как зверь, он ведь меняется.

В.: Меняется в зависимости от того, с кем общается. Он же двуличный, паразит. Для меня он очень просто выглядит, очень простой.

М.: Точно! Он меняется, в разных ситуациях по-разному выглядит.

С.Р.: Значит, он может выглядеть по-разному. А как это существо можно было назвать?

М.: Ну, если по-простому, то «Падла»!

Это имя очень понравилось всем остальным ребятам.

С.Р.: Ребята, к сожалению, время подходит к концу, нам надо ехать на другой вокзал. Но мы с вами обязательно вернемся к этому разговору в другой раз. Как вы сейчас?

М.: меня злость охватывает на него.

С.Р.: на Падлу?

М.: Да!

Вал.: Блин, он как будто и вправду живой стал!

В.: Ага, как будто давно знакомы!

С ребятами я мог встретиться только через неделю, я решил написать письма всем участникам дискуссии и передать их через другие команды. В письмах я постарался резюмировать обсуждение и наметить вопросы для следующих встреч.

Заключение

Обобщая проделанную работу, я могу с уверенностью сказать, что хотя использование традиционных техник гештальт-терапии в естественных условиях сильно ограничено, гештальт-подход может успешно применяться в аутич-работе с беспризорниками. Он может быть полезен как непосредственно «на улице», так и для теоретического осмысления аутич-работы. Конечно, этой работы недостаточно, чтобы показать все возможности гештальт-подхода. Необходима дальнейшая разработка технических приемов, применимых в уличных условиях.

Гештальт-подход уже давно преодолел границы индивидуальной психотерапии. Сейчас успешно развивается применение гештальта в педагогике, организационном консультировании. Одним из путей развития социальной работы в гештальт-ключе может быть адаптация приемов и методов гештальта в этих сферах. Так как и социальная работа, педагогика и организационное консультирование имеют дело с социальными системами. Другим путем применения гештальт-подхода в социальной работе может быть методическое переосмысление с позиций гештальт-подхода традиционных техник социальной работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Балюбаш И. Д. Руководство по гештальт-терапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 2004.
- Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. СПб.: Специальная литература, 1999.
- Зинкер Дж. В поисках хорошей формы. Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями. М.: Класс, 2000.
- Как построить мост между улицей и обществом. «Врачи без границ»: опыт и анализ организации помощи уличным детям и подросткам в Москве (2003-2006 гг.) М.: Международная Ассоциация «Врачи без Границ», 2007.
- Кутузова Д. Экстернализация // Блог; [Электронный ресурс] url: <http://lynden.livejournal.com/278661.html#cutid1> (дата обращения: 02.10.2009)
- Лебедева Н.М. Иванова Е.А. Путешествие в Гештальт: теория и практика. СПб.: Речь, 2004.
- Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. М.: Независимая фирма «Класс», 1997.
- Практика социальной работы / Под ред. Кристофера Ханвея и Терри Филпота. Киев: Ассоциация психиатров Украины, 1996.
- Рекомендации по организации программ социального сопровождения для уязвимых групп. М.: «СПИД Фонд Восток-Запад», 2007.
- Робин Ж.-М. Гештальт-терапия. М.: МГИ, 1998.
- Социальная помощь детям на улице. Киев, 2000.
- Услуги аутрич для потребителей наркотиков. М.: ООН Управление по наркотикам и преступности. Региональное представительство в России и Беларуси. 2004.
- Joel Glenn Wixson. 2000. Letters in the street: A narrative based outreach approach. // Gecko: A Journal of Deconstruction and Narrative Ideas in Therapeutic Practice, no 2, p. 50-58 <http://www.dulwichcentre.com.au/lettersinthestreet.htm> (дата обращения: 02.10.2009)
- McGivney, Veronica. Outreach. // [Электронный ресурс] http://www.niace.org.uk/information/Briefing_sheets/Outreach.htm (дата обращения: 02.10.2009)

- Levy Jay S. 2004. Pathway to a Common Language: A Homeless Outreach Perspective // Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services. Vol. 85. No 3. P. 371-378.
- McGivney Veronica. 2000, Recovering Outreach: concepts, practices and issues. Leicester: National Institute of Adult Continuing Education, 2000. P. 128.

Gestalt approach in the methodology of outreach social work

A.I. Pavlovsky

The article is dedicated to the use of gestalt-approach as methodology and technology of the psychotherapeutic aid within the social work with homeless youth in Moscow. The author describes the consultation practice in outreach work, including such characteristics as the specifics of coming into contact, the safety of the contact, the time-line of the consultation process and others. Also the analysis of the limitation of psychotherapeutic aid within the outreach consultation is made and the resources of the gestalt-approach for the organizational structure of social work on the streets are included.

Key-words: gestalt, outreach, outreach social work, letters, externalization, homeless kids.

- Baljubash I.D. Rukovodstvo po geshtal't-terapii. M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2004.
- Ginger S., Ginger A. Geshtal't-terapija kontakta. SPb.: Special'naja literatura, 1999.
- Zinker Dzh. V poiskah horoshej formy. Geshtal't-terapija s supruzheskimi parami i sem'jami. M.: Klass, 2000.
- Kak postroit' most mezhdu ulicej i obwestvom. «Vrachi bez granic»: opyt i analiz organizacii pomowi ulichnym detjam i podrostkam v Moskve (2003-2006 gg.). M.: Mezhdunarodnaja Associacija «Vrachi bez Granic», 2007.
- Kutuzova D. Jeksternalizacija // Blog, [Jelektronnyj resurs] url: <http://llynden.livejournal.com/278661.html#cutid1> (data obrawenija: 02.10.2009)
- Lebedeva N.M. Ivanova E.A. Puteshestvie v Geshtal't: teorija i praktika. SPb.: Rech', 2004.
- Pol'ster I., Pol'ster M. Integrirovannaja geshtal't-terapija: Kontury teorii i praktiki. M.: Nezavisimaja firma «Klass», 1997.
- Praktika social'noj raboty / Pod red. Kristofera Hanveja i Terri Filpota. Kiev: Associacija psihiatrov Ukrainy, 1996.
- Rekomendacii po organizacii programm social'nogo soprovozhdenija dlja ujazvimyh grupp. M.: «SPID Fond Vostok-Zapad», 2007.
- Robin Zh.-M. Geshtal't-terapija. M.: MGI, 1998.

- «Social'naja pomow' detjam na ulice» Kiev, 2000.
- Uslugi austrich dlja potrebitelej narkotikov. M.: OON Upravlenie po narkotikam i prestupnosti. Regional'noe predstavitel'stvo v Rossii i Belarusi. 2004.
- Joel Glenn Wixson. 2000. Letters in the street: A narrative based outreach approach. // Gecko: A Journal of Deconstruction and Narrative Ideas in Therapeutic Practice, no 2, p. 50-58 <http://www.dulwichcentre.com.au/lettersinthestreet.htm> (data obrawenija: 02.10.2009)
- McGivney, Veronica. Outreach. // [Jelektronnyj resurs] http://www.niace.org.uk/information/Briefing_sheets/Outreach.htm (data obrawenija: 02.10.2009)
- Levy Jay S. 2004. Pathway to a Common Language: A Homeless Outreach Perspective // Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services. Vol. 85. No. 3. R. 371-378.
- McGivney Veronica. 2000, Recovering Outreach: concepts, practices and issues. Leicester: National Institute of Adult Continuing Education, 2000. P. 128.